

К. Менг¹ , Е. Протасова^{2*}

¹Лейбниц-Институт немецкого языка, Германия, г. Мангейм

²Хельсинкский университет, Финляндия, г. Хельсинки

*e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

МОЛОДЫЕ КАЗАХСТАНСКИЕ НЕМЦЫ В ГЕРМАНИИ: ОБРАЗОВАНИЕ И МНОГОЯЗЫЧИЕ

Российские немцы из Казахстана, или *Russlanddeutsche*, — это этнические немцы, которые жили в России, а затем в Казахстане до эмиграции в Германию. Многие представители старшего поколения выросли, говоря на немецком диалекте, отличном от стандартного немецкого, или на региональной разновидности русского языка. Языковая интеграция все еще может быть трудным процессом для российских немцев из Казахстана, поскольку язык тесно связан с культурой и идентичностью. Однако со временем и при поддержке многие из них могут успешно интегрироваться в немецкое общество и свободно говорить на стандартном немецком языке. В настоящей статье подводятся итоги 30-летнего лонгитюдного исследования семей российских немцев, приехавших с маленькими детьми в Германию. В работе применялся смешанный метод анализа данных. Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются молодые русскоязычные немцы из Казахстана, является адаптация к культурным нормам и ожиданиям германского общества. Среди прочего, она может включать различия в социальном этикете, образовании и карьерных ожиданиях. Несмотря на трудности, многие молодые российские немцы из Казахстана успешно интегрируются в немецкое общество и строят себе успешную жизнь на новой родине. При поддержке своих семей и доступе к ресурсам и возможностям эти люди могут преодолеть барьеры на пути к интеграции и внести свой вклад в разнообразие и богатство немецкого общества.

Ключевые слова: российские немцы, языковая интеграция, формирование двуязычия, немецко-русский билингвизм, полуторное и второе поколение иммигрантов.

K. Meng¹, E. Protassova^{2*}

¹Leibniz-Institute for German Language, Germany, Mannheim

²University of Helsinki, Department of Languages, Finland, Helsinki

*e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Young Kazakh Germans in Germany: education and multilingualism

Russian Germans from Kazakhstan, or *Russland deutsche*, are ethnic Germans who lived in Russia and later in Kazakhstan before immigrating to Germany. Many representatives of the elder generation grew up speaking a German dialect known as different from Standard German, or a regional variety of Russian. Linguistic integration can still be a difficult process for Russian Germans from Kazakhstan, as language is closely tied to culture and identity. However, with time and support, many are able to successfully integrate into German society and become fluent in Standard German. This article summarizes the results of a 30-year longitudinal study of Russian-German families who immigrated with young children to Germany- The study used a mixed method of data analysis. One of the key challenges that young Russian-speaking Germans from Kazakhstan face is adjusting to the cultural norms and expectations of the German society. This can include differences in social etiquette, education, and career expectations, among other things. Despite the challenges, many young Russian Germans from Kazakhstan are able to successfully integrate into German society and build successful lives for themselves in their new home country. With the support of their families and access to resources and opportunities, these individuals are able to overcome the barriers to integration and contribute to the diversity and richness of German society.

Key words: Russian Germans, linguistic integration, development of bilingualism, German-Russian bilingualism, one and a half and second generation of immigrants.

К. Менг¹, Е. Протасова²

¹Лейбниц неміс тілі институты, Германия, Мангейм қ.

²Хельсинки университеті, Финляндия, Хельсинки қ.

*e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Германиядағы қазақстандық жас немістер: білім мен көптілділік

Қазақстаннан келген орыс немістері немесе Russlanddeutsche – Германияға қоныс аударғанға дейін Ресейде, содан кейін Қазақстанда тұрған этникалық немістер. Аға ұрпақтың көпшілігі стандартты неміс тілінен немесе орыс тілінің аймақтық түрінен басқа неміс диалектісінде сөйлеп өсті. Қазақстаннан келген орыс немістері үшін лингвистикалық интеграция әлі де қиын процесс болуы мүмкін, өйткені тіл мәдениетпен және бірегейлікпен тығыз байланысты. Дегенмен уақыт пен қолдаудың арқасында олардың көпшілігі неміс қоғамына табысты түрде араласып, стандартты неміс тілінде еркін сөйлей алады. Бұл мақалада Германияға кішкентай балаларымен келген орыс немістерінің отбасыларын 30 жыл бойы зерттеудің нәтижелері жинақталған. Жұмыста деректерді талдаудың аралас әдісі қолданылды. Қазақстандық орыс тілді жас немістердің алдында тұрған негізгі қиындықтардың бірі – неміс қоғамының мәдени нормалары мен үміттеріне бейімделу. Сонымен қатар, ол әлеуметтік этикет, білім және мансап туралы болжамдардағы айырмашылықтарды қамтуы мүмкін. Қиындықтарға қарамастан, Қазақстаннан келген көптеген орыс неміс жастары неміс қоғамына сәтті кірігуде және жаңа Отанында өздері үшін табысты өмір сүруде. Отбасыларының қолдауымен және ресурстар мен мүмкіндіктерге қол жеткізу арқылы бұл адамдар интеграцияға кедергілерді жеңіп, неміс қоғамының әртүрлілігі мен байлығына үлес қоса алады.

Түйін сөздер: орыс немістері, лингвистикалық интеграция, қостілділіктің қалыптасуы, неміс-орыс қостілділігі, иммигранттардың бір жарымдық және екінші ұрпағы.

Введение

Предыстория вопроса. Около 90% российских немцев – это исторически сформировавшееся сообщество людей, происходящих из немецких поселений, основанных в России в XVIII–XIX веках. Кроме них, в стране оседали в разное время приезжавшие сюда специалисты из преимущественно немецкоязычных стран, а также элита стран Балтии. Этнические немцы, проживавшие на территории России и/или СССР, назывались также русскими или советскими немцами. Большинство были католиками и лютеранами, часть меннонитами, некоторые перешли в православие (Бургарт 2017). Так называемые колонисты занимались преимущественно сельским хозяйством и участвовали в организации и осуществлении промышленного производства в разных регионах, включая Волгу, Кавказ, Крым и Сибирь. Привезенные диалекты разных областей Германии трансформировались в результате контактов между собой и с языками окружения (Минор 2016, Jedig 2014). К началу XX века немцы составляли около 2% населения Российской империи, участвуя в экономической и социальной жизни государства. Значительная часть немцев успела уехать в США еще до 1914 г. В результате Первой мировой войны и революции 1917 года немцы стали подозреваемыми в нело-

яльности к новому режиму с соответствующими последствиями. После установления советской власти немцы создали автономную республику в Поволжье и другие национально-культурные поселения, но уже в середине 1930-х гг. началось их выселение из приграничья и ограничения на использование языка в образовании, печати и церковной службе (Триллер 2021). Во времена Большого террора многие из немцев пострадали от репрессий. Немцы с захваченных Советским Союзом прибалтийских территорий были выселены в Германию.

После нападения на СССР со стороны Германии российские немцы стали подозреваемыми в сотрудничестве с нацизмом. В августе 1941 года был издан указ о высылке немцев вглубь страны, он коснулся почти всего немецкоязычного населения. Многие были вынуждены оставить свое имущество и быть отправленными в Казахстан, Сибирь, на Урал и в другие регионы. Принудительные работы в суровых условиях в так называемой Трудармии привели к гибели большого количества депортированных. После войны, согласно указу от 1948 г., они не имели права возвращаться в места своего прежнего проживания (Искакова, Аубакирова 2022, Мусагалиева 2018). Лишь в 1955 г. вышло постановление о прекращении ограничения в правах спецпоселенцев, и российским немцам было разрешено менять

место жительства. Больше всего депортированных было в Казахстане, далее, в порядке убывания численности, в Западной Сибири, на Урале, в Киргизии и в Восточной Сибири. О помощи, оказанной казахскими семьями ради выживания немецких семей с детьми, их потомки вспоминают до сих пор. Переселение российских немцев явилось частью более широкой политики советских властей по отношению к национальным меньшинствам в СССР. Она включала в себя не только вынужденные переселения, но и массовые репрессии, насильственное изменение культурных и языковых особенностей меньшинств и другие формы насилия. С течением времени события переселения российских немцев стали признаваться как одно из наиболее трагических и неправильных действий советского правительства (Zhankadamova et al. 2022).

С 1955 г. в редких случаях стала возможна репатриация в Австрию, ГДР и ФРГ (этих переселенцев называли словом *Aussiedler*), а в конце 1980-х годов, в период перестройки в СССР, российские немцы начали массово возвращаться на историческую родину и получать гражданство Германии. Этому способствовал развал СССР в 1991 г. («поздних» переселенцев данного потока называли *Spätaussiedler*). В общей сложности в Германию приехало около двух с половиной миллионов человек. В России немцы были реабилитированы только в 2008 г. («Об особенностях применения Закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов” по отношению к российским немцам»).

В настоящее время сообщество немцев в России включает около 600 тысяч человек, а еще около полутора миллионов имеют немецкие корни. Организации и культурные центры помогают сохранять и развивать немецкую культуру и традиции. (См. статьи в изданиях «Российские немцы / *Russlanddeutsche*», «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев», портал *rusdeutsch.ru*.) Согласно опросу на сайте газеты российских немцев *rd-zeitung.eu*, в опросе на тему: «Кем являются российские немцы в России?» участвовало 465 респондентов. Ответы распределяются следующим образом: «Немецкой диаспорой в России» (42%), «Коренным народом в составе российского суперэтноса» (29%), «Некоренным народом в составе российского суперэтноса» (25%), «Затрудняюсь ответить» (4%).

Некоторые репатрианты страдали от культурного шока и чувства изоляции, особенно в

первые годы после прибытия в Германию. Другие столкнулись с проблемами поиска работы или жилья, особенно в период экономического кризиса в начале 2000-х годов. Многие иммигранты считали, что нужно скорее влиться в трудовую жизнь и начать жить, как «свои среди своих», но недостаточно хорошее владение языком препятствовало этому. Следующее поколение – дети, приехавшие в маленьком возрасте или родившиеся в Германии – смогло справиться с овладением немецким языком, как мы увидим из проведенного нами исследования. Успешная языковая интеграция немцев из Казахстана и России имела ключевое значение для их успешной адаптации в Германии. Как правило, чем раньше приезжали в Германию российские немцы, тем лучше они знали немецкий язык. В конце концов, процесс адаптации для репатриантов был сложным и требовал усилий и терпения, но многие смогли успешно интегрироваться в германское общество и стать полноценными членами этой страны (Нефедов 2019).

Одним из важных вопросов было сохранение культурной и национальной идентичности, связанное с опытом проживания в Российской империи и СССР, русским языком и культурой. Многие репатрианты сохраняли привезенные с собой традиции, язык и обычаи, им казалось, что современная Германия не такая, какой была страна, покинутая в свое время их предками, что порой вызывало удивление у некоторых местных немцев. По мере того, как росло число русскоговорящих, возникало все больше учреждений, связанных с поддержкой русского языка, в особенности клубов, детских садов, школ, стремящихся к развитию полноценного двуязычия. На вышеупомянутом сайте в опросе на тему: «Кем являются немцы из России в Германии?» было получено 467 ответов. Мнения таковы: «Немецкой этнической группой в Германии» (40%), «Частью немецкого народа без образования этнической группы» (39%), «Особой этнической группой в Германии» (19%), «Затрудняюсь ответить» (2%). Сегодня российские немцы в Германии являются значительной по численности, двуязычной, своеобразной по своим корням группой, вносящей большой вклад в экономику и культуру страны. Тем не менее история их депортации и репатриации продолжает оставаться важным аспектом их культурного и национального наследия.

Материалы и методы исследования

Лонгитюдный подход к языковой интеграции.

В начале 1990-х гг. в Институте немецкого языка в Мангейме был начат проект по лингвистической адаптации российских немцев в Германии. Языковая интеграция немецко-русских переселенцев являлась важным аспектом их вхождения в немецкое общество. Многие немцы из Казахстана и России испытывали трудности с немецким языком: если они и владели немецким, то часто это был фоссилизированный (неразвивающийся) диалект с большим количеством заимствований из русского, который отличался как от стандартного немецкого, так и от местных диалектов произношением, грамматикой и словарным запасом. В целях содействия языковой интеграции власти Германии предлагали специальные языковые курсы, чтобы помочь эмигрантам улучшить свои знания немецкого языка, которые назывались в среде переселенцев «шпрахами». Постепенно новые для приехавших элементы немецкого языка проникали в их речь и различия между вариантами нивелировалось, хотя русский язык все еще оставался важной частью самоидентификации (Berend 2013). В проекте изучались и другие аспекты речеупотребления и коммуникативного поведения иммигрантов.

Мы исследовали многопоколенные семьи российских немцев, которые приехали в Германию как немецко-русские двуязычные и бикультурные группы с русским языком в качестве доминирующего языка и преобладание русскоязычной казахстанской культуры. В нашем случае в центре внимания были семьи с маленькими детьми. Они приехали, чтобы остаться в Германии, надеясь стать принятыми и уважаемыми членами немецкого общества. Участники проекта были настроены на получение образования, изучение языка, мышления и поведения местных жителей, но не были готовы (или были не в состоянии) отбросить привычные слова, образ мышления, поведенческие стереотипы и накопленный жизненный опыт как бесполезные вещи. В то же время акцентирование каких-то немецких и русских частей своего самосознания, отказа от старого или его сохранения наряду с приобретением нового различаются у разных людей, что влияет на разброс результатов (Meng 2001, Meng, Protassova 2022).

В данной статье мы рассказываем о результатах части исследования, в котором мы наблюда-

ли за 16 молодыми российскими немцами в Мангейме и его окрестностях в течение примерно 30 лет. Для анализа данных мы применяли смешанный метод, также известный как комбинированный метод. По сути, это комбинация нескольких подходов, позволяющая добиться более точных результатов и получить более полную информацию о исследуемом явлении. Этот метод может использоваться в различных областях, сочетая качественный и количественный анализ. Мы опирались, среди прочего, на записи реальной спонтанной речи, текстовый анализ, групповые и индивидуальные интервью, тесты, психолингвистические эксперименты.

Обзор литературы

Вопрос двуязычия нередко обсуждается с точки зрения того, есть ли положительные стороны этого явления. Трудно оценить, в какой степени двуязычие мешает или помогает говорящим. Внимание, память и понимание, а также творчество, контроль, успеваемость в школе и т. д. исследуются у одноязычных и многоязычных от рождения до старости. Однако реальность часто не так проста, как ее изображают, исключений больше, чем правил, и говорящие часто хотят сами судить, что им мешает, а что легко. Однако также понятно, что билингвы имеют преимущества на рынке труда (Grosjean 2020).

Не следует судить о двуязычном человеке исключительно на основании одного из его языков, это дает неполную картину его языковых способностей. Дети-билингвы не только чувствительны к фонетическим системам двух языков, но и больше знают, воспринимают больше артикуляционных особенностей. Хотя билингвы часто допускают ошибки, которые можно объяснить влиянием другого языка в паре, количество ошибок редко может превышать количество отклонений от нормы среди говорящих на диалекте. Порой двуязычный человек может очень легко общаться на одном из языков в повседневной жизни, но не может вообще ничего выразить на нем на более абстрактные важные темы, например, если он не учился на этом языке в школе.

Не все учителя понимают, как билингвы вписываются в окружающее, что происходит в их сознании и как использовать двуязычие как особую ценность в классе (Maul 2015). Билингвы обычно более чувствительны на социальном уровне, они могут быстрее решать проблемы, способны разобраться в большем количестве аргументов,

но им сложнее выбирать конкретные слова, и они чаще делают паузы. Когда ребенок-мигрант идет в школу, где все говорит на другом языке, в первые 1–3 года он приобретает способность использовать базовые навыки общения, как и другие носители языка (BICS, Basic Interpersonal Communicative Skills). Подобный уровень общения соответствует болтовне на детской площадке, в кругу друзей или в кафе, серьезные темы не поднимаются, говорят обычно о простых и наглядных вещах. Когнитивные языковые навыки (CALP, Cognitive Academic Language Proficiency/Academic Language Proficiency) предполагают наличие развитой способности работать с абстрактными идеями, что требует практики в соответствующей обстановке. Язык становится инструментом обучения. Чтобы сформировать этот CALP на втором языке, требуется не менее 5–7 лет, если учащийся уже имеет такие же способности писать, читать и писать на первом языке, а если первый язык сформирован недостаточно хорошо, то требуется 7–10 лет знакомства со вторым языком в академических условиях (Cummins 2000).

Жизненные установки участников проекта.

Все родители, бабушки и дедушки подчеркивали важность знания немецкого языка. Поначалу в качестве основного источника передачи немецкого языка детям рассматривались (пра)бабушки и (пра)дедушки, которые успели поучиться в школах с немецким языком в Советском Союзе. В то же время русский язык оставался средством родственного общения, обеспечивая близость и интенсивность семейных контактов. Однако эта коммуникация включала в себя элементы translanguaging (De Fina et al. 2017, Dumrukci 2022, Khilkhanova 2021, Mazzafetto 2018), когда немецкий и русский использовались в своеобразных сочетаниях, в частности, для объяснения разных явлений окружающей действительности. По своему опыту взрослые знали, что хорошие результаты в овладении вторым языком дает спонтанное усвоение речи в повседневном общении с носителями соответствующего языка. Именно так они в свое время выучили русский, а их дети, как предполагалось, выучат немецкий. Систематическое изучение языка, как и самообучение по учебникам, словарям, грамматикам, выполнение разнообразных упражнений вызвали в памяти бессмысленное сидение на уроках иностранного языка в школе, которое не дало им ничего. Лишь немногие смогли извлечь выгоду из официально предложенного курса немецкого

языка и только отдельные личности позже искали и проходили дополнительные курсы немецкого языка, финансируемые из частных или государственных источников. Как правило, это были родители, уже имевшие высшее образование.

Перед взрослыми стояли иные задачи интеграции, чем перед детьми. С одной стороны, они должны были взять на себя заботу о материальной стороне жизни, а с другой – понять, как следует поступать им самим и их детям, чтобы интегрироваться в принимающее общество. Ориентирами служили истории других переселенцев, как российских немцев, так и представителей других иммигрантских групп, прежде всего родственников и тех, с кем они познакомились в первое время пребывания в Германии. Проявлялся также интерес к другим русскоязычным общинам в разных частях Германии и в других странах. Кроме того, по мере знакомства с местными, у взрослых накапливалось больше материала для рефлексии в отношении того, как ведут себя представители коренного населения, воспитывая детей, выбирая для них место учебы, давая советы о том, как общаться с воспитателями и учителями и т. п.

Все эти соображения влияли друг на друга, и то, что было самоочевидно в момент приезда, часто оказывалось под вопросом. Например, количество домашних заданий (родители считали, что от детей мало требуют), степень самостоятельности и ответственности в учебе, различия в системах образования, расстановка приоритетов – все это подвергалось постепенно сомнению. Желание родителей, бабушек и дедушек состояло в том, чтобы стать финансово независимыми за счет собственного труда, что в конце и было достигнуто. Овладение немецким языком было в глазах переселенцев важнейшей предпосылкой для этого. Взрослые демонстрировали детям само собой разумеющуюся возможность трудоустройства. Поначалу многие занимались недостаточно хорошо оплачиваемой деятельностью, но были и профессионалы, сумевшие найти, иногда после получения дополнительного образования, работу по душе. Многие семьи боролись с угрозой относительной бедности, их социальные контакты были ограничены, они редко ездили на экскурсии и на отдых, почти не посещали рестораны, не были членами местных клубов и т. д. (см. Vertram 2008 о важности профессиональной деятельности родителей и материальных рисках семьи для будущего детей). Экономия на многих вещах, семьи видели перспективу, для чего они

это делают: они хотят иметь собственное жилье, часто свой дом с приусадебным участком, покупать то, что хотят, не отличаться по уровню жизни от местных. Один из участников, Николай, говорит о том, что не знает, полезно ли владеть русским языком: «Ну я не знаю, кто русский знает. Ну он же во всем мире-то... Ну как, не то, что не признается или как, но тяжело будет. Ну как, если в Ägypten [Египет] по-русски можно разговаривать, если так, этот – Urlaub [отпуск]. Aber [но] так – мне кажется, английский. Не кажется, а английский».

В расширенных семьях российских немцев много людей и принято поддерживать контакты со всеми родственниками и друзьями детства. Лиза говорит: «Раньше, раньше мы ходили в дискотеку, ну, ну только, правда, половину русскую, то, ну, смотря с кем ты выходишь. У нас ну много немецких, немцев, ну, друзей, если мы с ними гуляли, то мы ну в немецкую дискотеку ходили, если вот мы с нашими, которые из России или Казахстана, мы обычно, ну, ну в русскую дискотеку ходили». Кругозор участников исследования все больше расширялся благодаря тому, что они ездили в гости по всей Германии. Позже стали ездить и за границу, что обогатило их опыт. Усилия родителей по профессиональному развитию и улучшению бытовых условий жизни приносили пользу детям на более поздних этапах интеграции: например, у детей появлялись свои комнаты, репетиторы, кружки и другие институции дополнительного образования, новые знакомства, расширялся кругозор и содержательное общение. Такова была первичная социализация в семье и вторичная социализация в школе.

Профессиональное образование, учеба и профессиональная деятельность.

Тем или иным способом, все участники проекта стремились получить место работы и / или учебы и включиться в трудовую жизнь. У некоторых профессиональная подготовка, как и у представителей коренного населения того же возраста, заняла много времени и частично сопровождалась перерывами в образовании. Один из молодых людей по окончании школы шесть лет работал по найму, прежде чем его обучение окупилось по содержанию и оплате труда. Двое начали получать специальность после окончания средней школы, но бросили обучение после того, как осознали, что не хотят или не могут заниматься соответствующей профессиональной деятельностью. Специалисты рекомендуют в этом случае все-таки завершить получение об-

разования, даже если ясно, что профессию придется поменять, потому что полученная степень докажет и самому себе, и обществу, что у человека достаточно учебных и лингвистических навыков для решения более сложных задач. Такой подход увеличивает последующие шансы получить искомую профессию. Именно так поступил один из участников проекта: он сначала получил одну степень, потом степень бакалавра, а затем и университетское образование на уровне магистратуры. Двое других приняли разные решения: одна девушка получила консультацию в бюро по трудоустройству и закончила подготовительные курсы, что помогло ей поступить туда, куда она хотела, а другой, к сожалению, ни с кем не посоветовался и стал безработным.

Вероятно, посещение подготовительных курсов помогает приобрести навыки письменной культуры, необходимые для получения образования (что оправдалось в случае двух участниц проекта). Для мальчиков Бундесвер был школой жизни, которую искали они сами и на которую было настроено большинство семей. Все надеялись на то, что у прошедших армию будет больше самостоятельности, образуются интересные профессиональные возможности, а в целом армейское обучение поможет формированию личности. Трое были довольны своей службой. Один понял, что не хочет рассматривать перспективы, которые могут быть в Бундесвере, вернулся к гражданской жизни и смог выбрать подходящую карьеру. Двое не знали, что делать дальше. Еще один открыл для себя логистику, получил профессиональное образование в армии, но в своем личностном развитии не получил поддержки: «Раньше я это... В армии служил, четыре года... Потом я пошел мой Ausbildung [образование] делать, учился на это, Lagerist [работник склада]».

Образовательные траектории Михаэля и Эриха были длительными и нелегкими, но в итоге оказались успешными. Оба самостоятельно открыли для себя области, в которых хотели бы работать профессионально, еще в средней школе, оба закончили среднюю школу с достаточно хорошими аттестатами, но в конце концов оба нашли в себе и в своей семье духовную и финансовую поддержку, чтобы достичь зрелости в профессиональном колледже, успешно закончили учебу, а затем получили университетскую степень и хорошо оплачиваемую работу.

Пути, ведущие непосредственно к профессиональной жизни через аттестат зрелости и аспирантуру, также были разными. У Елены Крумм

и Каролины Маркманн они были прямыми и, следовательно, относительно короткими. Обе девочки выбрали интересную для них образовательную сферу еще в старших классах школы, получили искомые места учебы и не разочаровались в своем выборе. Елена получила вполне финансово выгодную должность, соответствующую ее карьерным целям, после получения очень сложной степени в области делового администрирования по специальности «Бухгалтерский учет и финансы». Каролина отлично закончила магистерскую программу в области бизнес-администрирования и видела себя на престижной работе.

Интеграция в сферу занятости у Светланы Крумм и Доры Клозе проходила менее легко. Светлана на самом деле всегда хотела учиться на юриста, но из-за подросткового бунтарского периода ее аттестат был хуже, чем мог бы быть, и она боялась, что не сможет получить место учебы в сфере юридических наук. Поэтому она сначала изучала политику, риторику и медиа, получив двойную степень бакалавра, но в то же время пришла к убеждению, что это не для нее. В конце концов она все-таки поступила на юридический факультет, где еще продолжала учиться на момент наших заключительных собеседований. Попутно она подрабатывала в юридической фирме. Ее слова о том, кем бы она стала, если бы ее семья не переехала в Германию: «Тогда я бы, наверное, не была щас, одег стала бы юристом. Тогда я не знаю, может быть, я бы и пошла в университет, но, наверное, не как здесь, чтобы я могла учиться два раза, как щас. Я не знаю, может быть, я была уже бы и жената, потому что там немножко по-другому думают. Я не знаю, мне тридцать лет... Я не знаю, я, наверно». Дора Клозе по окончании школы хотела изучать фармацевтику, не получила места в колледже, однако смогла обучиться на ассистента по медицинским технологиям. На этом ее амбиции закончились, и она больше не стремилась совершенствоваться по своей специальности. Она устала постоянно посвящать себя учебе.

Таким образом, 15 из 16 участников итогового интервью получили по крайней мере среднее специальное образование, а пять или шесть степень бакалавра. Чем выше образование, тем более содержательную и высокооплачиваемую работу можно приобрести: промышленный механик, медицинский работник, медсестра, инженер-механик, инженер аудиовизуальных средств, специалист по инвестициям, специалист по

складской логистике, продавец в розничной торговле, мясник, помощник юриста, педагог, помощник по вопросам здравоохранения. В ряде случаев удовлетворенность профессией снижалась из-за слишком низких доходов, угрозы безработицы и чрезмерного социального давления.

Интеграция и идентичность

Чтобы разобраться в том, как себя идентифицируют участники проекта на протяжении третьего десятилетия от начала интеграции, мы спрашиваем о том, как они оценивают себя в групповой структуре немецкого общества (самоопределение) и как определяют свое место в нем, кем себя ощущают, с кем дружат. Это сложные, постепенно меняющиеся взаимосвязи, на которые влияют как устойчивые отношения, так и актуальная повестка. В беседах иногда проявлялся тот или иной аспект проблемы, но некоторые вещи никогда не озвучиваются (Reitemeier 2006; Kiel 2009; Dück 2014).

Достаточно легко определить себя как проживающего в Германии и ее гражданина, когда ты знаешь, что у тебя немецкие корни и немецкая фамилия. Другое дело, что местные немцы могут относиться к этому несколько иначе. Присвоение определенной идентичности самому себе и приписывание ее другим людям не всегда совпадают. Отсюда, например, известная фраза: «В СССР / России мы всегда были немцами, а здесь мы русские».

Однако если некто свободно говорит и пишет по-немецки, это еще не значит, что он причисляет себя к группе немцев или только к группе немцев. Филип Шуман считает, что разделение людей на заранее определенные группы в принципе проблематично. Мать слушает интервью и добавляет: Филипп живет очень интернационально, ни у кого нет столько разных людей вокруг, как у него; на его и Вероники свадьбе были турки, албанцы, итальянцы и поляки. Хотя русские немцы, русские люди и местные немцы также присутствовали, это не нуждается в упоминании, поскольку само собой разумеется. Обычно на рабочих местах, где заняты наши участники проекта, также весьма интернациональный состав сотрудников. О переключении кода в своей речи он говорит: «Это у меня так *automatisch* [автоматически] идет». Его жена утверждает, что говорит «с русскими по-немецки и по-русски, а с немецкими только по-немецки».

Молодые люди, как правило, не чувствуют себя обиженными или оскорбленными, когда их называют русскими или русаками, если только

это не звучит уничижительно, что становится ясным по ситуации из контекста. Интересно, что некоторые могут считать русскими всех, кто приехал с территории бывшего Советского Союза, который они называют Россией, хотя, возможно, никто из их родных на самом деле никогда не был в России. По мнению нескольких участников, нельзя выбрать, ты только немец или только русский, речь о том, чего больше и чего меньше. Катя Штайнер говорит, что она наполовину русская и наполовину немка. Ей трудно говорить по-русски с теми, кто живет в русскоязычной среде: «А потому что у них, ну, как бы чистый русский язык, и им ихний конечно, легко разговаривать, а мне достается иногда, ну, тяжело, потому что не все слова, которые нужны, всегда знаешь... Ну, могу посмотреть, как слово это, по мобильнику или в интернете там так быстро, но пока помотришь – это тоже время». Михаэль Вальзер считает, что по отдельным признакам или характеристикам людей можно располагать на школе по большей или меньшей близости к немцам или русским. Он объясняет это на примере юмора. Русские смеялись над чем-то отличным от того, над чем смеялись российские немцы, а российские немцы смеялись над чем-то еще, что было несмешно для русских и немцев. Может оказаться, что что-то несмешно кому-то, а над чем-то все смеются одинаково. Для понимания юмора важны знания и установки по отношению к идентичности, а они разные. По поводу самоназвания «русаки» он сообщает: «Русакими – это кто от... Для меня, кто с России приехал – они все немцы. Можно и сказать, русаков вот так в Германии вообще нету. Для меня. Я так думаю. Потому что кто, все русаки, какие сюда приехали, они все может, могут... Или почти все, хоть немецкий, или кто-то от фамилии у них был немец. Это для меня значит, они с России пришли, только с России, ну русаки да. Не знаю... Я щас, я говорю, немец, только могу и сказать – я и русак. Для немцев я говорю: “Я русак”. Потому что они так и так уже не понимают. Для них, если ты русский можешь, тогда ты русак, всё. Вот так это. Так я и говорю... Если с немцев говоришь, я уже, ну, когда четырнадцать был, ты всегда рассказывал, как это все, как ты сюда пришел, и говоришь, что у тебя немцы там, да и все. Только они не понимают, для для них это: если ты с России пришел, и ты нем/ ну немецкий не мог, тогда ты русак для них, да? Вот так для них». Россией называют СССР.

Многие подчеркивали разницу в менталитете, идентифицируясь иногда с русскими /

российскими людьми, иногда с российскими немцами в Германии, а иногда с местными немцами. Альберт Шуман, Катя Штайнер и Каролина Маркманн также ссылаются на русский или российско-немецкий менталитет и заявляют, что этот менталитет очень важен для них. Когда мы спрашивали, что они под этим понимают, оказывалось, что, по их представлениям, этот особый менталитет проявляется, прежде всего, в семейной жизни.

Интересно отношение к работе и планированию семьи. В Казахстане было обычным делом жениться вскоре после окончания школы в возрасте 18–20 лет и сразу завести детей. Освоение профессии обычно ограничивалось несколькими месяцами обучения. После рождения первого ребенка, как нам сообщали, молодая мать обычно оставалась дома и занималась ребенком и домашним хозяйством, молодой отец уходил на работу, зарабатывал необходимые деньги и в остальном жил своей жизнью. В Германии необходимо уделять значительно больше времени общему образованию и профессиональной подготовке. Это противоречит собственным начальным планам. В результате, по словам Владимира Буца, Георгия Кириллова, а также Лизы Ольбрих, некоторые из опрошенных нами молодых людей страдают от того, что на момент проведения заключительных собеседований у них еще нет профессионального образования, прочных партнерских отношений (закрепленных законным браком) и / или детей. Георгий сообщает: «На работе вот со мной тоже учиться тоже русак, по-русски тоже разговаривает. Здесь друзья просто так тоже, ну, не много, половина есть, а большинство немцы».

Михаэль хочет полностью сосредоточиться на учебе и прилагает все усилия, чтобы Лиза отложила свое детское желание выйти замуж и завести семью на потом, а пока повысила свою квалификацию, добившись более высокой степени образования. В течение длительного периода времени оба они снова и снова оценивают свой предыдущий опыт работы и информацию о возможностях профессионального обучения и доходах и находят совместное решение. Когда, наконец, Лиза получила второе образование, а Михаэль – высшее, они поженились, нашли хорошую работу и подходящую квартиру, родили ребенка, то счастье стало совершенным. Чтобы достичь этого, им приходилось отчасти преодолевать сопротивление родителей, которые считали, что им хватит учиться. Понятно,

что и в Казахстане к настоящему времени произошли изменения, связанные с отношением к получению образования и возрастом создания семьи, к совместному проживанию без заключения брака, однако представители старшего поколения иммигрантов все еще говорят, что в Германии в этом отношении живут не так, как они привыкли, удивляются этому, но признают, что в таком отношении к карьере и семье есть свои преимущества. По-иному воспринимают молодые люди и роль мужчины и женщины в семейных отношениях. Все эти аспекты также можно признать частью интеграции в принимающее общество.

Завершая итоговые беседы, мы всегда стремились направить взгляд интервьюируемых за пределы их собственной жизни и оценить то, как они прижились в Германии. Мы спрашивали, что им нравится и не нравится в Германии. Считая, что мы задаем вопросы о политике, некоторые отказывались отвечать, а другие сожалели, что не могут достаточно хорошо обеспечить себя в финансовом отношении. Помимо порядка и чистоты, некоторые также ценят тот факт, что существуют пособия по уходу за ребенком для молодых семей и другие социальные пособия. Некоторым кажется, что жизнь слишком регламентирована, много законов ограничивает свободу, что в обычной жилой среде в Германии шумно и грязно, асфальт отвратительного качества, а еда больше не имеет вкуса. Правда, без асфальта можно ходить по грязи у родственников в маленьком городке, и их туалет и русская баня тоже не так хороши, как туалет и душ в собственном доме в Германии. В целом преобладает позитивное отношение к Германии, и местный образ жизни стал привычным и необходимым (ср. Woellert et al. 2009).

Заключение

В проведенном исследовании удалось показать, что хотя немецкий язык стал главным языком коммуникации на работе, во время учебы и в новообразованных молодежных союзах, в родительских семьях российских немцев сохраняется привязанность к русскому языку, который по-прежнему выполняет функции языка внутрисемейного общения молодого поколения с родителями. Немецким языком наши участники проекта овладели на том же уровне, что и их сверстники-монолингвы, хотя им для достижения этой цели понадобилось, быть может, больше времени. Молодые люди предпочитают образовывать партнерские отношения с людьми такого же происхождения, как и они сами, потому что так они лучше понимают друг друга.

В процессе переселения многие сталкивались с языковыми трудностями, особенно если не имели опыта общения на современном немецком языке или не владели им на достаточном уровне. Существовали также специальные программы и меры, направленные на помощь поздним переселенцам в освоении немецкого языка.

Критерии отождествления с окружающими или отчуждения от большинства не самоочевидны. Это могут быть внешние данные, имя и/или фамилия, привычки питания, определенные традиции в одежде, человеческие качества, модели поведения. Двое молодых людей из опрошенных отмечали, что их принимают за русских, что по ним видно, что они русские. Для некоторых быть немцами как раз и означает, что только на немецком языке они способны полностью выразить себя, что не испытывают проблем в общении. Этого же требует от них и окружающее общество. Несмотря на разнообразные трудности, молодые люди оптимистичны и собираются не отказываться полностью от русского языка и для своих детей.

Литература

- Бургарт Л.А. Немцы-католики в Казахстане (конец XIX в. – 1941 г.): основные вехи истории. *Мир Большого Алтая*. 2017. Т. 3. № 3. С. 371–390.
- Исхакова Н.С., Аубакирова Х.А. К истории депортации немцев в Казахстан в годы Великой Отечественной войны. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2022. № 1 (84). С. 81–84.
- Минор А.Я. Диалекты как достояние национальной культуры поволжских немцев. *Наука вчера, сегодня, завтра*. 2016. № 11. С. 138–143.
- Мусагалиева А.С. Немцы в истории освоения целинных и залежных земель в северном Казахстане. *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. 2018. № 4. С. 157–167.
- Нефедов Д.В. *Социальная адаптация российских немцев в Германии: этносоциологический анализ миграции и реэмиграции*. Канд. дис. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т им. Б.Н.Ельцина, 2019.

- Триллер А. 85 лет депортации в Казахстан поляков и немцев из Волыни. rd-zeitung.eu/ru/85-jahre-deportation-von-polen-und-deutschen-aus-wolyn-nach-kasachstan. 20.12.2021.
- Berend N. Varietätenwandel im Kontakt. Die Entwicklung des Sprachgebrauchs deutschsprachiger Minderheiten im bundesdeutschen Kontext. In: Deppermann A. (Hg.) *Das Deutsch der Migranten*. Berlin/New York: de Gruyter, 2015. S. 81–112.
- Bertram H. Die Zukunft von Kindern als Zukunft der Gesellschaft. In: Bertram, H. (Hg.) *Mittelmaß für Kinder. Der UNICEF-Bericht zur Lage der Kinder in Deutschland*. München: Beck, 2008. S. 16–36.
- Cummins J. *Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire*. Clevedon: Multilingual Matters, 2000.
- De Fina A., Ikizoglu D., Wegner J. (Eds.) *Diversity and Super-Diversity: Sociocultural Linguistic Perspectives*. Washington, D.C.: Georgetown University, 2017.
- Dück K. Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion. *Deutsche Sprache*, 2014, 42. Pp., 261–274.
- Dumrukci N. *Translanguaging and the Bilingual Brain: A Mixed Methods Approach to Word-Formation and Language Processing*. Berlin: De Gruyter, 2022.
- Jedig H.H. *Lepel, Laumtje, Lostichkeit. Gesammelte Beiträge zu deutschen Mundarten in der Sowjetunion*. Hg. N. Berend. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014.
- Khilkhanova E. Language Ideologies and Multilingual Practices of Post-Soviet Migrants in Western Europe from a Translanguaging Perspective. *Balkanica et Slavia*, 2021, 1(1). Pp. 117–148.
- Kiel S. *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Familien*. Münster: Waxmann, 2009.
- Maul C.A. Working with culturally and linguistically diverse students and their families: perceptions and practices of school speech–language therapists in the United States. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 2015, 50(6). Pp. 750–762.
- Mazzaferro G. *Translanguaging as Everyday Practice*. Cham: Springer, 2018.
- Meng K. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen: Narr, 2001.
- Meng K., Protassova E. *Geboren in Kasachstan, herangewachsen in Deutschland. Langzeitstudie zur Integration und deutsch-russischen Zweisprachigkeit junger Russlanddeutscher*. Mannheim: Leibniz-Institut für deutsche Sprache, 2022.
- Reitemeier U. *Aussiedler treffen auf Einheimische. Paradoxien der interaktiven Identitätsarbeit und Vorenthaltung der Marginalitätszuschreibung in Situationen zwischen Aussiedlern und Binnendeutschen*. Tübingen: Narr, 2006.
- Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. *Ungenutzte Potenziale: zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin: SSOAR, 2009.
- Zhankadamova G.A., Atantayeva B.Zh., Akhmetova R.D., Karibayeva A.S. The history of the deportation of Germans to Kazakhstan in the memoirs of descendants. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*. 2022, 4. Pp. 37–49.

References

- Burgart L.A. Nemtsy-katoliki v Kazakhstane (konets XIX veka – 1941 g.): osnovnyye vekhi istorii. Mir Bol'shogo Altaya [Catholic Germans in Kazakhstan (end of the 19th century – 1941): the main milestones of history. World of Greater Altai]. 2017. V. 3. № 3. P. 371–390. (in Russian)
- Iskakova N.S., Aubakirova KH.A. K istorii deportatsii nemtsev v Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. [On the history of the deportation of Germans to Kazakhstan during the Great Patriotic War. Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. 2022. № 1 (84). P. 81–84. (in Russian)
- Minor A.YA. Dialekty kak dostoyaniye natsional'noy kul'tury nemtsev Povolzh'ya. Nauka vchera, segodnya, zavtra. [Dialects as a property of the national culture of the Volga Germans. Science yesterday, today, tomorrow] 2016. № 11. P. 138–143. (in Russian)
- Musagaliyeva A.S. Nemtsy v istorii osvoyeniya tselinnykh i zaleznykh zemel' v severnom Kazakhstane. Yezhegodnaya mezhdunarodnaya assotsiatsiya istorii i kul'tury russkikh nemtsev. [Germans in the history of the development of virgin and fallow lands in northern Kazakhstan. Annual international association of the history and culture of Russian Germans]. 2018. № 4. P. 157–167. (in Russian)
- Nefedov D.V. Sotsial'naya adaptatsiya rossiyskikh nemtsev v Germanii: etnosotsiologicheskii analiz migratsii i reemigratsii. kandidat dis. Yekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet. B.N. Yel'tsin [Social adaptation of Russian Germans in Germany: an ethno-sociological analysis of migration and re-emigration], 2019. (in Russian)
- Triller A. 85 let deportatsii v Kazakhstan polyakov i nemtsev s Volyni [85 years of deportation to Kazakhstan of Poles and Germans from Volyn]. rd-zeitung.eu/ru/85-jahre-deportation-von-polen-und-deutschen-aus-wolyn-nach-kasachstan. 20.12.2021. (in Russian)
- Berend N. Varietätenwandel im Kontakt. Die Entwicklung des Sprachgebrauchs deutschsprachiger Minderheiten im bundesdeutschen Kontext. In: Deppermann A. (Hg.) *Das Deutsch der Migranten*. Berlin/New York: de Gruyter, 2015. S. 81–112.
- Bertram H. Die Zukunft von Kindern als Zukunft der Gesellschaft. In: Bertram, H. (Hg.) *Mittelmaß für Kinder. Der UNICEF-Bericht zur Lage der Kinder in Deutschland*. München: Beck, 2008. S. 16–36.
- Cummins J. *Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire*. Clevedon: Multilingual Matters, 2000.

De Fina A., Ikizoglu D., Wegner J. (Eds.) *Diversity and Super-Diversity: Sociocultural Linguistic Perspectives*. Washington, D.C.: Georgetown University, 2017.

Dück K. Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion. *Deutsche Sprache*, 2014, 42. Pp., 261–274.

Dumrukic N. *Translanguaging and the Bilingual Brain: A Mixed Methods Approach to Word-Formation and Language Processing*. Berlin: De Gruyter, 2022.

Jedig H.H. *Lepel, Laumtje, Lostichkeit. Gesammelte Beiträge zu deutschen Mundarten in der Sowjetunion*. Hg. N. Berend. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014.

Khilkhanova E. Language Ideologies and Multilingual Practices of Post-Soviet Migrants in Western Europe from a Translanguaging Perspective. *Balkanica et Slavia*, 2021, 1(1). Pp. 117–148.

Kiel S. *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Familien*. Münster: Waxmann, 2009.

Maul C.A. Working with culturally and linguistically diverse students and their families: perceptions and practices of school speech–language therapists in the United States. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 2015, 50(6). Pp. 750–762.

Mazzaferro G. *Translanguaging as Everyday Practice*. Cham: Springer, 2018.

Meng K. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen: Narr, 2001.

Meng K., Protassova E. *Geboren in Kasachstan, herangewachsen in Deutschland. Langzeitstudie zur Integration und deutsch-russischen Zweisprachigkeit junger Russlanddeutscher*. Mannheim: Leibniz-Institut für deutsche Sprache, 2022.

Reitemeier U. *Aussiedler treffen auf Einheimische. Paradoxien der interaktiven Identitätsarbeit und Vorenthaltung der Marginalitätszuschreibung in Situationen zwischen Aussiedlern und Binnendeutschen*. Tübingen: Narr, 2006.

Woellert F., Kröhnert S., Sippel L., Klingholz R. *Ungenutzte Potenziale: zur Lage der Integration in Deutschland*. Berlin: SSOAR, 2009.

Zhankadamova G.A., Atantayeva B.Zh., Akhmetova R.D., Karibayeva A.S. The history of the deportation of Germans to Kazakhstan in the memoirs of descendants. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*. 2022, 4. Pp. 37–49.